

Быть прежде всего подлинными людьми

«Оссерваторе Романо», 9 июня 2010 г.

Хулиан Каррон

Никогда не забуду, какой отклик вызвали во мне Духовные упражнения с группой священников в Латинской Америке. Лишь только я закончил свое выступление, в котором сказал, что нашей вере часто не хватает человечности, ко мне сразу подошел один из священников. Он сказал, что в семинарии его учили, что лучше скрывать конкретные проявления своей человечности, убрать ее с глаз долой, потому что она «создает помехи на пути веры». Этот случай позволил мне лучше осознать, до какого уровня можно низвести христианство и какова путаница, среди которой мы призваны проживать свое священническое призвание. Однажды отца Джуссани спросили, что он посоветовал бы молодому священнику. «Чтобы он был, в первую очередь, человеком», – ответил он, вызвав удивление присутствующих. Мы видим, что наставление, которое этот священник слышал в семинарии, и совет Джуссани полностью противоположны: в одном случае – указание не принимать собственную человечность во внимание, в другом – взгляд, наполненный симпатией к себе самому.

Итак, что же имеет решающее значение для нашей веры и нашего призвания? В чем мы нуждаемся? Отец Джуссани несколько раз указывал на «небрежение собственным "я"», отсутствие подлинного интереса к собственной личности, как на «наибольшее препятствие на нашем человеческом пути».¹ Напротив, именно подлинная любовь к себе, подлинная привязанность к себе позволяет нам заново открыть составляющие нас потребности, наши изначальные нужды в их наготе и необъятности, чтобы мы признали, что мы есть отношение с Тайной, просьба бесконечного, структурное ожидание. Только тот, кто «ранен» реальностью, кто всерьез заботится о своей человечности, может полностью открыться встрече с Господом. «Ведь Христос, – утверждает отец Джуссани, – предлагает Себя как ответ на то, что такое "я", и только внимательное, а также нежное и страстное осознание себя самого может распахнуть и расположить меня к признанию Христа, восхищению Им, благодарению и жизни в Нем. Без этого сознания даже имя Иисуса Христа становится всего лишь именем».²

«Нет ничего абсурднее, чем ответ на вопрос, которого нет», – сказал Рейнгольд Нибур. То же самое можно сказать и про нас, если мы, забыв о необходимости критического подхода, поддаемся влиянию окружающей нас культуры, которая, кажется, способствует умалению человека до совокупности обстоятельств его прошлого: биологических, психологических, социологических. Но если человек действительно низведен до таких рамок, то в чем наша, священников, задача? Зачем мы нужны? В чем смысл нашего призвания? Как можно удержаться от бегства из реальности, от стремления найти убежище в спиритуализме, формализме, от попыток поиска альтернативы, благодаря которой жизнь стала бы терпимой? Не лучше ли нам, подчиняясь культурному климату, сделаться социальными работниками, психологами, деятелями культуры или политиками? Как сказал Бенедикт XVI в своей проповеди в Лиссабоне, «часто нас мучительно беспокоят социальные, культурные и политические последствия веры, при этом мы считаем само собой разумеющимся, что эта вера существует и что, к сожалению, она становится все менее реалистичной. Может быть, мы слишком полагаемся на церковные структуры и программы, распределение полномочий и функций, но что произойдет, если соль потеряет вкус?».³

Следовательно, все зависит, прежде всего – для нас, от нашего представления о том, что такое человек и что действительно отвечает на его бесконечное желание. Следовательно, решимость, с которой мы проживаем свое призвание, проистекает из решимости, с которой мы проживаем свою человеческую жизнь. Только если наша жизнь вибрирует подлинной человечностью, мы можем познать Христа и поддаться Его притягательности, так что отдадим Ему свою жизнь, чтобы другие люди тоже получили возможность встретить Его.

«Почему вера вообще имеет еще свой шанс? – спросил несколько лет назад тогда еще кардинал Ратцингер и ответил: – Поскольку она соответствует сущности человека. [...] В человеке неистребимо присутствует тоска по бесконечному. Никакой из человеческих ответов ее не утоляет; один лишь Бог, ставший конечным, чтобы преодолеть нашу конечность и ввести ее в простор своей бесконечности, удовлетворяет запросам нашего бытия. Вот почему христианская вера вновь находит человека и сегодня».⁴

Уверенность, о которой непрестанно свидетельствует Бенедикт XVI перед лицом всего того зла, что мы причиняем самим себе или другим людям (вспомним о случаях педофилии), призывает нас на путь нового открытия и углубления разумности веры: «Наша вера имеет основание, но необходимо, чтобы эта вера стала жизнью в каждом из нас [...]: только Христос может полностью удовлетворить глубокое желание каждого человеческого сердца и дать ответ на самые беспокойные его вопросы о страдании, о несправедливости и зле, о смерти и жизни в ином мире».⁵ Лишь переживая Христову истину на собственном опыте, в собственной жизни, мы обретаем мужество передавать ее и отвагу бросать вызов сердцам людей, которых мы встречаем. Таким образом священство никогда не перестанет быть для каждого из нас приключением и, следовательно, поводом для свидетельства перед другими людьми, нашими братьями, о единственном ответе на «тайну [...] земного бытия»⁶ – Христе.

Спасибо.

¹ «В поисках человеческого лица», «Христианская Россия», Милан-Москва, 1997, стр. 3

² «У истоков христианского притязания», «Христианская Россия», Москва, 2010, стр. 7

³ Проповедь во время Святой Мессы на Terreiro do Paço в Лиссабоне, 11 мая 2010 г.

⁴ Й. Ратцингер, «Вера – Истина – Толерантность», ББИ, Москва, 2007, стр. 204-205

⁵ Проповедь во время Святой Мессы на Terreiro do Paço в Лиссабоне, 11 мая 2010 г.

⁶ Дж. Леопарди, «К портрету красавицы, изваянному на ее надгробии»